ФИННО-УГОРСКИЙ МИР. Том 17, № 4. 2025
https://csfu.mrsu.ru
ISSN 2076-2577, eISSN 2541-982X

ЛЕКСИКОЛОГИЯ
LEXICOLOGY

https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.04.388-397
https://elibrary.ru/xrocia
УДК / UDC 811.511.142

Оригинальная статья / Original article

Семантико-стилистические особенности образной лексики в хантыйском языке (на материале разговорно-художественного дискурса)

А. Д. Каксин
Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан, Российская Федерация
adkaksin@yandex.ru

Аннотация

Введение. На сегодняшний день в лингвистической науке нерешенной остается проблема отделения образных слов от других выразительных языковых единиц. Нечеткими являются критерии, согласно которым та или иная лексическая единица отмечается в толковом словаре как образная. Цель исследования – определение и анализ типов образных слов и выражений в хантыйском языке.

Материалы и методы. Исследование проводилось на материале текстов на казымском диалекте хантыйского языка с использованием «Диалектологического и этимологического словаря хантыйского языка» Вольфганга Штейница (Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der Ostjakischen Sprache, 1966–1991). Авторский подход к теме обоснован пониманием языка как сложной, многоуровневой системы, отдельные элементы которой постигаются лингвистами с применением разных методик. Суть наиболее важного для нас метода заключается в систематизации понятий, описывающих единицы одного свойства и находящихся между собой в отношениях вариативности. В нашем случае образные слова и сочетания рассматриваются как выразительные средства, их отличительные черты выявляются на фоне эпитетов, метафор, сравнений. В ходе текстуального анализа выявляются сначала все выразительные средства, а затем те языковые единицы, в семантике которых заключено указание на нахождение первоисточника, оригинала. Семантика слов, в значении которых утверждается присутствие образной компоненты, проверяется по диалектологическому и этимологическому словарю В. Штейница. Предполагается также, что многие образные слова и выражения хантыйского языка уже зафиксированы в данном словаре.

Результаты исследования и их обсуждение. Анализ речевых образцов хантыйского языка показал возможность отграничения образных слов и выражений от других выразительных средств и выведение определенной типологии образных единиц языка. Словарные образные единицы включают большинство переносных значений слов, составные слова (в том числе составленные путем переноса значения одного из компонентов) и образные словосочетания (включая те, что являются частью пословиц и поговорок). Контекстуальные образные единицы – слова и сочетания, образная компонента которых возникает в данном конкретном контексте.

Заключение. Практическая значимость исследования заключается в продуктивности поиска образных слов и выражений в разговорной речи и художественных произведениях – то есть в тех типах дискурса, где они активно используются. Перспективы исследования связаны с накоплением достаточного материала для составления словаря образных слов и выражений хантыйского языка.

© Каксин А. Д., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: функциональные стили, художественное произведение, выразительные средства, образные слова и выражения, характеристика, оценка, хантыйский язык

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Каксин А.Д. Семантико-стилистические особенности образной лексики в хантыйском языке (на материале разговорно-художественного дискурса). *Финно-угорский мир*. 2025;17(4):388–397. https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.04.388-397

Semantic and Stylistic Features of Figurative Lexis in the Khanty Language (Based on Colloquial and Artistic Discourse)

A. D. Kaksin
Khakassian State University named after N. F. Katanov,
Abakan, Russian Federation
adkaksin@yandex.ru

Abstract

Introduction. To date, in linguistics, the problem of separating figurative words from other expressive language units remains unresolved. The criteria according to which a given lexical unit is marked as figurative in an explanatory dictionary are unclear. The aim of the research is to identify and analyze the types of figurative words and expressions in the Khanty language.

Materials and Methods. The study was conducted using texts in the Kazym dialect of the Khanty language, employing Wolfgang Steinitz's "Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der Ostjakischen Sprache" (1966–1991). The author's approach to the topic is based on an understanding of language as a complex, multi-level system, the individual elements of which are studied by linguists using various methods. The essence of the most important method for us lies in the systematization of concepts that describe units of the same nature and that stand in relations of variability to one another. In our case, figurative words and expressions are examined as expressive means, and their distinctive features are identified against the background of epithets, metaphors, and similes. In the course of textual analysis, all expressive means are first identified, followed by those linguistic units whose semantics contain an indication of the location of the source, the original. The semantics of words whose meanings imply the presence of a figurative component are verified using W. Steinitz's dialectological and etymological dictionary. It is also assumed that many figurative words and expressions of the Khanty language are already recorded in this dictionary.

Results and Discussion. The analysis of speech samples in the Khanty language has revealed the possibility of distinguishing figurative words and expressions from other expressive means and of deriving a specific typology of figurative units in the language. Lexical figurative units include the majority of figurative meanings of words, compound words (including those formed through the transference of meaning of one of their components), and figurative phrases (including those that are part of proverbs and sayings). Contextual figurative units are words and combinations whose figurative component arises within a given specific context.

Conclusion. The practical significance of the study lies in the effectiveness of searching for figurative words and expressions in colloquial speech and literary works – that is, in those types of discourse where they are actively used. The prospects for further research are associated with accumulating sufficient material to compile a dictionary of figurative words and expressions in the Khanty language.

Keywords: functional styles, artwork, expressive means, figurative words and expressions, characterization, evaluation, Khanty language

Conflict of interest: The author declares no conflict of interest.

For citation: Kaksin A.D. Semantic and Stylistic Features of Figurative Lexis in the Khanty Language (Based on Colloquial and Artistic Discourse). *Finno-Ugric World*. 2025;17(4):388–397. https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.04.388-397

Введение

Авторы многих современных лингвистических работ, рассматривающие прежде всего эстетическую функцию языка, исходят из неявной идеи о том, что в плане выразительности лексические единицы бывают нейтральные и выразительные. К числу вторых относят метафору, эпитет, сравнение, гиперболу, олицетворение и некоторые другие единицы. Как правило, в эту группу включают и образные слова и выражения. При этом свойство (или признак) образности часто «растворяется» в наименовании других единиц данного ряда: к примеру, встречаются терминологические сочетания – «образные метафоры», «образные сравнения» и др. В данном исследовании мы придерживаемся мысли о том, что образные слова и выражения – это особый, отдельный разряд лексических единиц.

В текстах, взятых для анализа, описывается повседневная жизнь ханты небольшой рыбацкой деревни и зимнего стойбища. Углубленное прочтение позволяет выявить средства, с помощью которых автор детально описывает природу, действия людей или полно раскрывает характер персонажей. Особое внимание уделено поиску собственно образных лексических единиц.

Общий подход к выделению искомых единиц можно сформулировать так: образные слова и выражения мыслятся в кругу большинства выразительных средств языка, если понимать их как результат столкновения двух первородных семантем. В этом случае словарь языка можно сравнить «с плотной, местами многослойной и совершенно прозрачной хрустальной сферой, которая окружает нас со всех сторон. Она состоит из “кусочков” – слов, связанных между собой сложными, разнообразными отношениями типа разноплановых ассоциаций» [1].

Это определение является общим. По нашему мнению, с ним можно связать разные случаи «столкновения» первичных семантем, в результате которого рождается некоторое новое, нетривиальное по своей семантике, слово (или словоупотребление). Одним из таких случаев можно считать формирование переносного значения. К примеру, словообразовательный суффикс -лы в хантыйском языке имеет прямое, буквальное значение «без чего-либо / лишенный чего-либо»: *хоплы* ‘без лодки’, *йингклы* ‘без воды’, *щомлы* ‘без сил’, *сэмлы* ‘без глаз’ и т. д. Но присоединение суффикса к слову *сăм* со значением ‘сердце’ ведет к формированию переносного значения: получаемое в результате слово употребляется прежде всего для качественной характеристики человека: *сăмлы* – трусливый, боязливый[1].

Цель статьи – выявить в исследуемых текстах образные слова и выражения и показать, что признак образности заложен в них изначально, а переносное значение слова трактуется как отдельная лексема.

Обзор литературы

Каждый язык имеет в своем лексиконе не только номинативные, характеризующие, но и экспрессивные, выразительные единицы. В контексте нашего исследования мы склонны относить к ним также и эпитеты, метафоры, идентификаторы, повторы, реминисценции, аллюзии и другие явления. Особую ценность в контексте исследования представляют работы, указывающие на широкий круг выразительных средств и содержащие мысль о том, что их использование характерно и для разговорной речи [2–4]. С другой стороны, оказались полезны работы, в которых обсуждаются языковые средства, имеющие косвенное отношение к выражению образности[2] [5; 6]. В статьях, посвященных языку фольклора и художественных произведений, были отмечены положения об устойчивых образных схемах и формулах [7–9].

[1] Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der Ostjakischen Sprache. Berlin: Akademie Verlag; 1966–1991. S. 1341.

[2] Топоров В.Н. Тропы. В: Лингвистический энциклопедический словарь. Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия; 1990. С. 520–521.

Особое внимание уделим сравнению как явлению языка. Образные сравнения, выраженные одним словом или словосочетанием, следует отличать от синтаксических структур – сравнительных конструкций. Строение сравнительных конструкций несколько специфично: в них, хотя бы эксплицитно, содержится указание на наличие двух или более противополагаемых субстанций. В этом случае в любом языке должно быть указано и основание, признак сравнения. В сравнительных конструкциях часто присутствует и сравнительный маркер (союз, показатель сравнительного падежа или его аналог) [10–12].

Среди работ, посвященных конкретным языкам, выделяются те, в которых анализируются единицы образно-метафорического плана [13–15]. Однако, на наш взгляд, интересными являются и работы, посвященные нелексическим явлениям: выясняется, что многие из грамматических средств опосредованно могут быть использованы для характеристики и оценки человека [16–18].

В указанных работах подробно рассмотрены выразительные средства разных языков, но отсутствуют выводы о самостоятельности разряда образных слов и необходимости отграничения образных лексических единиц от метафор, эпитетов, сравнений и других выразительных средств.

Материалы и методы

Хантыйский язык – младописьменный (письменность на основе русской графики – с 1937 г.). Изданные на всех диалектах тексты очень разнородны по содержанию: учебные пособия, книги для дополнительного чтения, материалы газет, словари, фольклорные сборники. Небольшая по объему художественная литература представлена произведениями Г. Д. Лазарева, В. С. Волдина, Р. П. Ругина, Е. Д. Айпина и некоторых других авторов.

Для подтверждения идеи о том, что образные слова и выражения являются неотъемлемой частью лексикона любого языка, мы обратились к самому объемному словарю хантыйского языка и к текстам разговорно-художественного дискурса. К последним отнесены авторские произведения, не только художественные, но и бытовые, т. е. записанные у носителей языка тексты, имеющие определенную фабулу, передающие авторскую позицию. Чтобы более отчетливо представить характер этих рассказов, в первую очередь мы отграничиваем их от фольклорных текстов любого жанра.

Авторский подход к теме связан с пониманием языка как сложной, многоуровневой системы, отдельные элементы которой постигаются лингвистами с применением разных методик. Суть одного из таких способов, наиболее важного для данного исследования, заключается в постепенном сужении взгляда, поэтапном выведении из фокуса внимания явлений одного порядка, выпадающих по мере того, как задается более конкретное определение объекта изучения. В ходе текстуального анализа выявляются сначала все выразительные средства, а затем выделяются те языковые единицы, в семантике которых заключено указание на некоторый первоисточник, оригинал.

Пониманию этого механизма, механизма возникновения образности, способствовало знакомство с трудами выдающегося российского лингвиста Д. В. Цыганкина, который множество работ посвятил данной теме: «Слово *эвтемс*/*эфтемс* обладает основным значением “мотать, сновать” (нитки), “наматывать” (пряжу). Вместе с тем в современном эрзянском языке оно также означает “шляться, ходить из дома в дом”. Значение, вероятно, развилось из общего семантического знаменателя “беспрерывное разнонаправленное движение”» [19].

Итак, образными мы считаем и слова, переносное значение которых превалирует в современном языке, а исходное вышло из активного употребления.

Результаты исследования и их обсуждение

В Словаре русского языка Ожегова дается такое толкование понятию «образ»:

«ОБРАЗ… 1. В философии: результат и идеальная форма отражения предметов и явлений материального мира в сознании человека. 2. Вид, облик… *В образе кого-н. (в виде кого-н.)*. 3. Живое, наглядное представление о ком-чем-н. *Светлый образ матери*. 4. В искусстве: обобщенное художественное отражение действительности, облеченное в форму конкретного индивидуального явления. *Поэт мыслит образами*. 5. В художественном произведении: тип, характер... *Артист вошел в образ (вжился в роль)*…»[3].

Все значения искомого слова тесно связаны между собой, но для данного исследования важны третье и четвертое: в тексте произведения мы ищем что-то «живое, наглядное», а также «конкретное индивидуальное», в чем отразилось некоторое явление действительности.

Выдающийся лингвист М. И. Черемисина сформулировала свой подход к образным средствам: «Алтайским языкам… чужды многие стороны той образности, которая присуща русскому и другим европейским. Например, здесь не принята метафоризация образов животных: людей не называют ослами, медведями, коровами, божьими коровками, змеями и т. д., хотя иногда и сравнивают с животными. Зато для этих языков характерен другой тип образности: специфические образные (но не метафорические!) и звукоподражательные слова»[4].

В этом определении сконцентрированы все положения и выводы, к которым пришли лингвисты, изучающие алтайские языки, т. е. те языки, в которых образные слова существуют как класс, разряд лексики. Они настолько отличаются этим качеством, что им часто посвящается отдельная глава в грамматиках. Мы, безусловно, опираемся на эти положения, но подчеркиваем, что наше понимание образных слов несколько отличается: оно более тесно связано с определением понятия *образ* и, значит, исходит в большей степени из логики, тогда как понимаемая алтаистами *образность* выводится непосредственно из фактов самого языка.

В финно-угроведении также превалирует этот подход, хотя и несколько скорректированный: лингвисты непосредственно в текстах ищут и находят образные слова, отмечают их, при этом часто рассматривая в числе других выразительных средств языка [20; 21].

Некоторые образные слова и выражения можно найти и в работах, посвященных другим языковым явлениям, к примеру пассивному залогу и временным конструкциям [22–24].

В рассматриваемых произведениях хантыйского языка выделим следующие выразительные средства:

Ситы си пэшас ов хонаӈн атэлт, ***ольмум лук иты****, лольлюм*[5] «Так и стою возле ворот загона один, *словно сонный глухарь*». Здесь с помощью показателя *иты* ‘как, словно’ построено образное сравнение; семантической основой конструкции является одно из значений слова *олюм* ‘сон’[6].

Вот как в рассказе о рыбаках описывается дедушка главного героя – старый рыбак Микай Ойка, вернувшийся с длительного рыбного промысла:

Веншл ий мормынга ёвмат, пухтымнгыт ёхи рохынсынгын, венш сохыт хатл ешит эвыт пивта сермат, катра ёхымъюх ***кар хорасыпа****.* ***Порти хорасып*** *туш пунтат ий нова хатсимет*[7] «Лицо его сморщилось, щеки ввалились, кожа на солнце

[3] Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов. 22-е изд. Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Русский язык; 1990. С. 433.

[4] Черемисина М.И. Языки коренных народов Сибири: учеб. пособие. Новосибирск; 1992. С. 76.

[5] Сенгепов А.М. Касум ики путрат (Рассказы старого ханты). СПб.: Просвещение; 1994. С. 13.

[6] Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der Ostjakischen Sprache. S. 66–68.

[7] Лазарев Г.Д. Сорненг тов. Рассказ на языке ханты. Ханты-Мансийск: Полиграфист; 1999. С. 23.

обгорела, стала *похожей на кору старого дерева*. *Похожие на пики* усы выцвели, покрылись белым налетом». Данное описание красочное и точное, в обоих случаях (кожа-кора, усы-пики) применяется сравнение, что подчеркивается и формально, с помощью показателя *хорасып* ‘похожий’.

Сравнительный оборот, как видно, часто бывает образным, но присутствие формальных маркеров позволяет одновременно относить его к сравнительным конструкциям.

Элементы образности присутствуют также в других выразительных средствах, но не так отчетливо. С этих позиций рассмотрим фрагмент рассказа, в котором изображается поведение рыбаков в ответственный момент одного рабочего дня. Отец главного героя поехал за ягодами, а сын с дедом остались одни. Наступает время сдачи рыбы на плашкоут, а отца все нет:

Хун хувын утты сумтынг пай нумпины хатл нох катыс, Микай Ойка тыштыта питыс:

– Хув, хотты, Петр си янгхыт, хутыт антат шактыт.

Пирысь ики самыт ӑнт пакыс: ӑнтом па тув хопа тэтымтыйтмат, па торын эвыт верым хут лангкып айтта ий отнгыт эвыт катылман, нохтышик атмыйтсытэ па хутта нох вантмат. Антом па Петр маным пант хуват ***сэмнгыт поныйттэ*** *па хув ситы ваттмат, па еты потыртмат:*

– Хув си янгхыт, муйтат вертл?[8].

«Когда солнце поднялось уже над дальним березняком, Микай Ойка забеспокоился:

– Долго, однако же, Петр ездит! Как бы рыба не испортилась!

У старика сердце не выдерживало: он то и дело залезал в лодку, ухватывая за один конец сделанную из травы накидку, приподнимал ее и осматривал рыбу. Потом устремлял взгляд (букв. *глаза положил*) взгляд в ту сторону, куда уехал Петр, долго всматривался и снова повторял:

– Долго же ездит! И что там делает?»

Здесь обратим внимание на речь персонажа: особую значимость имеют две реплики старого рыбака, следующие друг за другом с небольшим интервалом, – и персона представляется в качестве реального, живого человека. Если говорить именно о средствах, можно констатировать повтор, а также риторический вопрос недоумения. Они помогают передать атмосферу напряженности трудового процесса, поэтому можно причислить их к выразительным средствам. Образным здесь является выражение *сэмнгыт поныйттэ* ‘глаза положил’, возникающее в результате переносного употребления именного слова и глагола.

Случаем использования образа в рассказе Г. Д. Лазарева является название произведения – «Золотой конь»: золотым конем рыбаки-ханты называют подвесной лодочный мотор (по причине их внешней схожести), но почему он «золотой» – объясняется лишь в развернутом комментарии заключительного фрагмента рассказа:

Моторыт лап хурытмет пуш, лангкпыт ухты эвыт ёшны васкийтыттэ.

– Тармыт хут ветпыса тупны янгхта. Хунтты ханты монсиитны сорненг маркыг тов отынгны потыр маныс. Интам там сорненг маркыг тов мунг ёштувны. Там тув, ма тынынг, сорненг ай товем. Йитпа ёшны мотор тангыт тувемастэ, метмотты тов шантл васькийтсытэ[9].

«Когда мотор заглох, погладил его рукой по кожуху.

– Хватит на промысел на веслах ходить. Когда-то в хантыйских сказках шла речь о золотом коне. Теперь этот золотой конь в наших руках. Вот он, мой дорогой золотой конек. Снова рукой провел по кожуху, словно погладил коня по гриве».

[8] Лазарев Г.Д. Сорненг тов. Рассказ на языке ханты. С. 30.
[9] Там же. С. 35.

В данном случае образность (приравнивание подвесного лодочного мотора к фольклорному персонажу) также вытекает из контекста. Однако, по нашим наблюдениям, в рассматриваемых текстах встречаются и собственно образные лексические единицы. К примеру, в тексте А. М. Сенгепова часто употребляется глагол *нарум-* ‘приступать, начинать’ в тех случаях, когда необходимо изобразить внезапность или интенсивность действия:

Сыры лув манат ***иньсясты нармас****, муйсар муватн, муйсар тахэтн ма вэсум, муй вантсум, муй версум*[10] «Сначала он *принялся* меня *расспрашивать*, в каких землях, каких местах я был, что видел, что делал».

Ситы нэмасман омастэм мар, яюм ики пасан верс па мин атлан ***шай яньсыты си нарумсумн***[11] «В то время как я посиживал, брат мой стол накрыл, и мы с ним *чай пить принялись*».

В других случаях более явно выступает образность в своем первоначальном смысле как форма отражения одних предметов и явлений через другие:

Сантыр, ма ванттэм нонг номсынг похлэ, ухен нонг ***нох хуттыт***[12] «Сантыр, я смотрю, ты умный мальчик, голова твоя соображает (букв. *восходит*)». В этой витиеватой фразе угадывается образ восходящего солнца.

Муй ма, вантэ, ушаӈ-сираӈ, ***аюм-китум*** *путар тайты хэ*[13] «Какой из меня, как говорится, умный, интересные (букв. *вестью посланные*) истории знающий человек». Здесь наблюдается ирония.

Я хоты, аси, самен ин нох ***полатсэн***?[14] «Ну как, отец, *успокоился* (букв. *сердце задул*)?»

Заключение

Несмотря на отграничение образных слов и выражений от других выразительных языковых средств, их объединяет то, что они возникают не только в фольклорном или авторском художественном тексте, но и в обыденной повседневной речи, а также в бытовом рассказе. Это означает, что с развитием общества происходят изменения и в стилистике языка. Относительно лексических единиц можно также сказать, что по мере усложнения системы языка требуется семантическое развитие, имеющее основанием не только аффиксацию, но и другие способы расширения семантики, в том числе за счет многозначности и создания образности.

По указанным фрагментам текста видно, что каждый признак значимой единицы хантыйского языка находится в сложной взаимозависимости с другими соотносящимися признаками. Концептуальность текста, его внутренняя форма, сущность проявляется в изоморфизме: в том, что общие свойства и закономерности объединяют единицы разной сложности.

В своем функционировании человеческая речь не должна быть всегда образна и выразительна, поскольку она всегда прагматична. Хантыйский язык относится к разряду языков народов Крайнего Севера, небольших по численности, однако в этом случае для небольшого коллектива язык не только исправно выполняет свою главную функцию – быть средством коммуникации, но и выражает энергию народа, экспрессию.

Языки народов Севера по большей части бесписьменные или младописьменные. Несмотря на стремление к увеличению количества авторских текстов, также важно сохранять речевые образцы, устные рассказы. Именно в них могут встретиться яркие

[10] Сенгепов А.М. Касум ики путрат (Рассказы старого ханты). С. 5–6.
[11] Там же. С. 9.
[12] Лазарев Г.Д. Сорненг тов. Рассказ на языке ханты. С. 33.
[13] Сенгепов А.М. Касум ики путрат (Рассказы старого ханты). С. 6.
[14] Лазарев Г.Д. Сорненг тов. Рассказ на языке ханты. С. 23.

примеры точных и экспрессивных высказываний. В узком смысле образными являются слова и сочетания, в которых первоначальный элемент (т. е. оригинал) прописан достаточно явно: *ухен нох хуттыт* ‘голова *соображает* (*восходит*)’; *аюм-китум* ‘*интересные* (*вестью посланные*)’.

В других случаях отнесение к числу образных единиц возможно после семантического и (или) этимологического анализа. При этом выявляется и неоднородность неявных образных слов и выражений. Одни из них становятся таковыми только в определенном контексте и при возникновении переносного значения: золотой конь – подвесной лодочный мотор (с отсылкой к фольклорному волшебному коню); *шай яньсыты нарумсумн* ‘чай пить принялись’ (ср. с разг. принялись чаи гонять). Другие являются образно окрашенными вследствие связанности семантики, в том числе в случаях, когда слово является составной частью устойчивого или фразеологического оборота: *путара хусьты* ‘вовлекать в разговор’, *путарлам питаса йисат* ‘рассказы стали надоедать’, *сам нох полатты* ‘успокоиться (букв. сердце задуть)’.

Проведенный анализ позволяет уточнить содержание терминов «образность», «образная лексическая единица» и выработать критерии, по которым можно отграничивать образные слова и сочетания от других выразительных средств языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Черемисина М.И. Язык и его отражение в науке о языке. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т; 2002. 254 с.
2. Вахтин Н.Б. Заметки об одной особенности акта коммуникации. *Антропологический форум*. 2005;(3):148–166. https://elibrary.ru/kckfcf
3. Водясова Л.П., Иванова Г.С. Роль идентифицирующих слов в романе А. К. Мартынова «Даволдо икеле» («Перед бурей»). *Вестник угроведения*. 2023;13(3):407–415. https://doi.org/10.30624/2220-4156-2023-13-3-407-415
4. Глухова Н.Н. Символика чисел песен финно-угров Урало-Поволжья. В: II Ӱпымарий лудмаш (II Васильевские чтения): Актуальные проблемы современной компаративистики: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием. Йошкар-Ола; 2023. С. 281–292. https://elibrary.ru/cigfzo
5. Иванова И.Г., Егошина Р.А. Просодические характеристики эмоционально окрашенных фраз в типологически неродственных языках: на материале марийского и французского языков. *Финно-угорский мир*. 2021;13(1):16–28. https://doi.org/10.15507/2076-2577.013.2021.01.16-28
6. Бартминьски Е., Березович Е., Вепрева И., Ковшова М., Шмелев А. Взаимодействие языка и культуры в исследовательском поле: границы и перспективы. *Quaestio Rossica*. 2021;9(4):1389–1408. https://doi.org/10.15826/qr.2021.4.645
7. Forsberg U.-M. Expressive Vocabulary in the Early Phases of Finno-Ugrian. In: Congressus XI Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars I: Orationes Plenariae. Piliscsaba; 2010. P. 5–19.
8. Гасанова Г.А., Багавова П.Р. Образные средства выразительности в произведениях Фазиля Искандера. *Мир науки, культуры, образования*. 2021;(6):544–546. https://doi.org/10.24412/1991-5497-2021-691-544-546
9. Глухова Н.Н. Образы в марийских заговорно-заклинательных текстах. В: Современные тенденции и инновации в области гуманитарных и социальных наук: сб. мат-лов IV Междунар. науч.-практ. конф. Йошкар-Ола; 2019. С. 95–101. https://elibrary.ru/hbtfju
10. Байыр-Оол А.В., Озонова А.А., Шагдурова О.Ю., Тазранова А.Р., Федина Н.Н., Кошкарева Н.Б. и др. Жизненное пространство и духовный мир человека через призму языков Сибири: моногр. Новосибирск: Академиздат; 2021. 300 с.
11. Кондратьева Н.В. Семантика и структура сравнительных конструкций в поэзии Флора Васильева. В: Шестые Флоровские чтения «Творчество Флора Васильева и вопросы языка, литературы и образования в глобализирующемся мире»: мат-лы VI Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 90-летию удмуртского поэта, общественного деятеля Флора Ивановича Васильева. Глазов; 2024. С. 20–25.
12. Байдак А.В. Метафоры и образные схемы в селькупском языке. *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*. 2013;2(2):9–15. https://elibrary.ru/qzweqv
13. Кондратьева Н.В. Реализация признаков сравнения компаративных тропов с дендронимами в современном удмуртском языке. *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*. 2023;(4):23–33. https://doi.org/10.23951/2307-6119-2023-4-23-33
14. Мосина Н.М. Фразеологические единицы с компонентом «птица» в мордовских и финском языках (семантический анализ). *Этническая культура*. 2023;5(1):48–53. https://doi.org/10.31483/r-105862

15. Ракин А.Н. Названия мелких пушных зверей в коми языке. *Финно-угорский мир*. 2023;15(2):180–188. https://doi.org/10.15507/2076-2577.015.2023.02.180-188
16. Цыпанов Е.А. Метафорический перенос название предмета → пейоратив в коми языке. В: Филологические исследования – 2017: Фольклор, литературы и языки народов Европейской части России: формы, модели, механизмы взаимодействия: сб. ст. по итогам Всерос. науч. конф. Сыктывкар; 2017. С. 101–105.
17. Söder T. Walk This Way: Verbs of Motion in Three Finno-Ugric Languages. In: Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Uralica Upsaliensia 33. Uppsala; 2001. 154 p
18. Цыпанов Е. Семантика этнонима *чудь* в коми языке. *Linguistica Uralica*. 2020;56(1): 53–63. https://dx.doi.org/10.3176/lu.2020.1.05
19. Цыганкин Д.В. Мордовские языки глазами лингвиста-финноугроведа: сборник избранных статей. Ч. 3. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та; 2013. 244 с.
20. Csepregi M. Evidentiality in Dialects of Khanty. *Linguistica Uralica*. 2014;50(3):199–211. http://dx.doi.org/10.3176/lu.2014.3.04
21. Kovylin S.V. Predicate Nominals and Related Constructions in the Vakh Dialect of Khanty. *Linguistica Uralica*. 2024;60(1):46–73. https://doi.org/10.3176/lu.2024.1.03
22. Muravyev N. Passive in Kazym Khanty and the Interaction of Givenness, Topicality and Animacy. *Linguistica Uralica*. 2023;59(1):49–66. https://dx.doi.org/10.3176/lu.2023.1.04
23. Muravyev N. Simultaneity and Epistemic Access in Kazym Khanty Temporal Subordination. *Linguistica Uralica*. 2021;57(1):39–55. https://dx.doi.org/10.3176/lu.2021.1.04
24. Muravyev N. The Emergence of Hierarchical Alignment in Northern Khanty: A Comparative Dialectal Corpus Study. *Linguistica Uralica*. 2025;61(2):106–130. https://doi.org/10.3176/lu.2025.2.03

Информация об авторе:

Каксин Андрей Данилович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (655017, Российская Федерация, г. Абакан, пр-т Ленина, д. 90), ORCID: https://orcid.org/0000-0001-9632-8286, SPIN-код: 7847-3348, adkaksin@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 14.10.2025; одобрена после рецензирования 10.11.2025; принята к публикации 14.11.2025.

REFERENCES

1. Cheremisina M.I. [Language and Its Reflection in the Science of Language]. Novosibirsk; 2002. 254 p. (In Russ.)
2. Vakhtin N.B. [Notes on a Specific Feature of the Act of Communication]. *Forum for Anthropology and Culture*. 2005;(3):148–166. (In Russ.) https://elibrary.ru/kckfcf
3. Vodyasova L.P., Ivanova G.S. Role of identifying words in the novel by A. K. Martynov “Davoldo Ikele” (“Before the Storm”). Bulletin of Ugric Studies. 2023;13(3):407–415. (In Russ., abstract in Eng.) https://doi.org/10.30624/2220-4156-2023-13-3-407-415
4. Glukhova N.N. [Symbolism of Numbers in Finno-Ugric Songs of the Ural-Volga Region]. In: [II Vasilyev Readings: Actual Problems of Modern Comparative Studies: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation]. Yoshkar-Ola; 2023. P. 281–292. (In Russ.) https://elibrary.ru/cigfzo
5. Ivanova I.G., Egoshina R.A. Prosodic Characteristics of Emotionally-Colored Phrases in Typologically Unrelated Languages: Based on the Mari and French Languages. *Finno-Ugric World*. 2021;13(1):16–28. (In Russ., abstract in Eng.) https://doi.org/10.15507/2076-2577.013.2021.01.16-28
6. Bartmiński J., Berezovich E., Vepreva I., Kovshova M., Shmelev A. The Interaction of Language and Culture in the Research Field: Boundaries and Prospects. *Quaestio Rossica*. 2021;9(4):1389–1408. (In Russ., abstract in Eng.) https://doi.org/10.15826/qr.2021.4.645
7. Forsberg U.-M. Expressive Vocabulary in the Early Phases of Finno-Ugrian. In: Congressus XI Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars I: Orationes Plenariae. Piliscsaba; 2010. P. 5–19.
8. Gasanova G.A., Bagavova P.R. Imaginary Means of Expression in Works of Fasil Iskander. *The world of science, culture and education*. 2021;(6):544–546. (In Russ., abstract in Eng.) https://doi.org/10.24412/1991-5497-2021-691-544-546
9. Glukhova N.N. Images in Mari Verbal Charms. In: [Modern Trends and Innovations in the Humanities and Social Sciences: Proceedings of the IV International Scientific and Practical Conference]. Yoshkar-Ola; 2019. P. 95–101. (In Russ., abstract in Eng.) https://elibrary.ru/hbtfju

10. Bayyr-Ool A.V., Ozonova A.A., Shagdurova O.Yu., Tazranova A.R., Fedin N.N., Koshkareva N.B., et al. [Life Space and the Spiritual World of Man through the Prism of the Languages of Siberia: Monograph]. Novosibirsk; 2021. 300 p. (In Russ.)
11. Kondratyeva N.V. [Semantics and Structure of Comparative Constructions in the Poetry of Flor Vasilyev]. In: [The Sixth Florov Readings "The Creativity of Flor Vasilyev and the Issues of Language, Literature, and Education in a Globalizing World": Materials of the Sixth International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 90th Anniversary of the Udmurt Poet and Public Figure Flor Ivanovich Vasilyev]. Glazov; 2024. P. 20–25. (In Russ.)
12. Baydak A.V. Metaphors and Image Schemas in Selkup. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2013;2(2):9–15. (In Russ., abstract in Eng.) https://elibrary.ru/qzweqv
13. Kondratieva N.V. Implementation of Comparative Features in Comparative Tropes with Dendronyms in Modern Udmurt. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2023;(4):23–33. (In Russ., abstract in Eng.) https://doi.org/10.23951/2307-6119-2023-4-23-33
14. Mosina N.M. Phraseological Units with a Component "Bird" in the Mordovian and Finnish Languages (Semantic Analysis). *Ethnic Culture*. 2023;5(1):48–53. (In Russ., abstract in Eng.) https://doi.org/10.31483/r-105862
15. Rakin A.N. Names of Small Fur-Bearing Animals in the Komi Language. *Finno-Ugric World*. 2023;15(2):180–188. (In Russ., abstract in Eng.) https://doi.org/10.15507/2076-2577.015.2023.02.180-188
16. Tsypanov E.A. [Metaphorical Transfer of the Name of an Object → Pejorative in the Komi Language]. In: [Philological Research – 2017: Folklore, Literatures, and Languages of the Peoples of the European Part of Russia: Forms, Models, and Mechanisms of Interaction: Collection of Articles Based on the Results of the All-Russian Scientific Conference]. Syktyvkar; 2017. P. 101–105. (In Russ.)
17. Söder T. Walk This Way: Verbs of Motion in Three Finno-Ugric Languages. In: Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Uralica Upsaliensia 33. Uppsala; 2001. 154 p.
18. Cypanov J. The Semantics of the Ethnonym *чудь* in Komi. *Linguistica Uralica*. 2020;56(1): 53–63. (In Russ., abstract in Eng.) https://dx.doi.org/10.3176/lu.2020.1.05
19. Tsygankin D.V. [Mordovian Languages through the Eyes of a Linguist-Finno-Ugric Scholar: A Collection of Selected Articles. Part 3]. Saransk; 2013. 244 p. (In Russ.)
20. Csepregi M. Evidentiality in Dialects of Khanty. *Linguistica Uralica*. 2014;50(3):199–211. http://dx.doi.org/10.3176/lu.2014.3.04
21. Kovylin S.V. Predicate Nominals and Related Constructions in the Vakh Dialect of Khanty. *Linguistica Uralica*. 2024;60(1):46–73. https://doi.org/10.3176/lu.2024.1.03
22. Muravyev N. Passive in Kazym Khanty and the Interaction of Givenness, Topicality and Animacy. *Linguistica Uralica*. 2023;59(1):49–66. https://dx.doi.org/10.3176/lu.2023.1.04
23. Muravyev N. Simultaneity and Epistemic Access in Kazym Khanty Temporal Subordination. *Linguistica Uralica*. 2021;57(1):39–55. https://dx.doi.org/10.3176/lu.2021.1.04
24. Muravyev N. The Emergence of Hierarchical Alignment in Northern Khanty: A Comparative Dialectal Corpus Study. *Linguistica Uralica*. 2025;61(2):106–130. https://doi.org/10.3176/lu.2025.2.03

Information about the author:

Andrey D. Kaksin, Dr.Sci. (Philol.), Leading Researcher of Institute Humanities and Sayan-Altai Turkology, Khakassian State University named after N. F. Katanov (90 Lenin Prospekt, Abakan 655017, Russian Federation), ORCID: https://orcid.org/0000-0001-9632-8286, SPIN-code: 7847-3348, adkaksin@yandex.ru

The author has read and approved the final manuscript.

Submitted 14.10.2025; revised 10.11.2025; accepted 14.11.2025.